

пожилую женщину въ темномъ, съ свѣтлыми крапинками, ситцевомъ платьѣ. Она устремила на доктора вопрошающій взглядъ, и докторъ тихо сказалъ ей:

— Скончалась!

Няня перекрестилась и заплакала, поспѣшно вытаскивая платокъ изъ кармана и идя слѣдомъ за докторомъ. Докторъ прошелъ въ переднюю.

Надѣвая пальто, онъ сказалъ:

— Теперь не о покойницѣ дѣло, а о баринѣ. За нимъ необходимо имѣть присмотръ, да и распорядиться надо. Пошлите за кѣмъ-нибудь изъ родственниковъ.

— Да за кѣмъ же послать-то?— сказала всхлипывая няня,—одни мы тутъ, какъ есть! Развѣ за Виньяминъ Петровичемъ?

— Пошлите за Виньяминомъ Петровичемъ,—отвѣтилъ докторъ и, взявъ изъ угла свою трость, вышелъ.

Няня прошла на кухню, гдѣ кухарка Дарья и горничная Ольга смятенно шептались съ двумя прислугами изъ сосѣднихъ квартиръ.

— Что?—спросили онѣ въ одинъ голосъ, едва она вошла.

— Скончалась, — отвѣтила няня, и всѣ, вздохнувъ, торопливо пачали креститься.

— Олюшка, — заговорила няня, — накинь платокъ, милая, да бѣги скорѣй за Винья-инъ Петровичемъ. Скажи: барыня померши, а баринъ не въ себѣ!

Лица прислугъ выразили напряженное любопытство, но онѣ не рѣшались на дальнѣйшіе разспросы няни и только сокрушенно вздыхали.

— Ужъ и любилась!—прошептала Дарья.

Няня вышла изъ кухни, и прислуга стала поспѣшно обмѣниваться впечатлѣніями. Ольга одѣлась и собралась идти, когда въ кухню вошелъ рыжій, маленькаго роста мужчина, и, снявъ съ головы котелокъ, заговорилъ, обращаясь ко всѣмъ:

— Покойница тутъ у васъ, милыя. Такъ вотъ, ежели вы барину нашъ адресокъ вручите...

Ольга плюнула и выбѣжала изъ кухни.

Няня осторожно заглянула въ спальную,

гдѣ умерла барыня. На постели недвижно лежала покойница, а подлѣ, на колѣняхъ, стоялъ баришъ и пристально смотрѣлъ ей въ лицо. Няня вздохнула, перекрестилась и отошла отъ двери.

Кедровъ не сводилъ глазъ съ лица своей жены.

Иногда ему казалось, что она вздохнула и сейчасъ откроетъ глаза, и тогда онъ поклонился надъ нею и готовился спросить ее: «Тебѣ лучше, милая?» Она улыбнется ему и прикроетъ глаза.

Но она лежала недвижно.

Ему вспомнились слова доктора.

Онъ содрогался весь и порывался сейчасъ разбудить ее, окликнуть, но въ то же время невольный страхъ пробирался въ его сердце и останавливалъ его.

«Не можетъ быть! Она никому не мѣшала, никому не вредила; своимъ присутствіемъ она только распространяла тихую радость вокругъ себя. Въ мірѣ не можетъ быть такого бессмысленнаго, беспощаднаго зла!...»

— Спишь и проснешься, и выздоровѣ-

ешь! и какъ мы будемъ смѣяться! — говорилъ онъ вполголоса, склоняясь надъ покойницей.

Но ея неподвижность стала пугать его, слова доктора назойливо вспоминались: онъ притронулся къ ея рукѣ и не почувствовалъ живой теплоты. Хаосъ мыслей закружился въ его головѣ, и страхъ парализовалъ его силы. Но черезъ мигъ онъ встрепенулся и порывисто взялъ за плечи покойницу.

— Елена!—окликнулъ онъ ее, но она не открыла глазъ, и голова ея безсильно свѣсилась на лѣвое плечо.

Онъ обезумѣлъ, приподнялъ трупъ за плечи и нагнулъ его надъ собою.

— Елена!—уже громко повторилъ онъ,— очнись!.. Елена!

Темные волосы пышною волною скатились съ плечъ покойницы и ударили его по лицу, голова перекачнулась на грудь. Мучительный ужасъ объялъ его; онъ вскочилъ на ноги, обхвативъ трупъ руками.

— Елена!—сталъ кричать онъ, съ силою прижимая трупъ къ своей груди,—очнись!

Докажи ему, что онъ лгуны! ради меня, ради Наты!.. Елена!...

Кедровъ былъ присяжнымъ повѣреннымъ, а молодой Виньяминъ Петровичъ Акимовъ—его помощникомъ. Остроумный, талантливый и веселый, съ нѣжнымъ сердцемъ, онъ привязался къ семьѣ Кедрова, и его полюбили, въ свою очередь, какъ родного.

Когда Ольга прибѣжала въ его холостую квартиру съ страшною вѣстью, онъ уже лежалъ въ постели,—но тотчасъ вскочилъ и сталъ одѣваться. Ужасъ и сожалѣнiе охватили его душу. Ужасъ за самого Кедрова, такъ любившаго свою жену, сожалѣнiе о молодой, безжалостно похищенной жизни.

Черезъ 10 минутъ онъ былъ въ печальной квартирѣ.

Няня встрѣтила его и, крестясь, вздыхая и всхлипывая, заговорила:

— Умерла голубушка наша! не захотѣлъ Господь оставить ее памъ, къ себѣ взялъ! Сиротинка теперь Наточка. Охъ, горе горькое!

— А что съ Валерьяномъ Николаевичемъ?—спросилъ Акимовъ, сбрасывая пальто.

— Охъ, и не говори! Совсѣмъ не въ себѣ! Стоять подлѣ нея на колѣнкахъ и какъ статуя...

Акимовъ поспѣшно прошелъ черезъ залъ и гостиную, но едва вошелъ въ спальную, какъ растерянно остановился у двери.

Высокій, широкій, стройный Кедровъ стоялъ у постели во весь ростъ и держалъ въ своихъ сильныхъ рукахъ трупъ жены. Голова ея безсильно запрокинулась назадъ, длинные волосы спустились и закрыли своей волною подушки, а Кедровъ съ безумнымъ, напряженнымъ ожиданіемъ смотрѣлъ на мертвое лицо и хрипло говорилъ:

— Очнись! если ты не лгала, что насъ любишь,—очнись!

Виньяминъ Петровичъ побѣдилъ свой страхъ и осторожно подошелъ къ Кедрову.

— Валерьянъ Николаевичъ! — окликнулъ онъ его,—что вы дѣлаете? оставьте!.. ну, умерла... у васъ Ната...—и онъ сталъ бормотать жалкія, избитыя слова утѣшенія, пока звукъ ихъ не коснулся ушей Кедрова.

Онъ вдругъ обернулся и увидалъ Акимова.

Маленькій, изящный онъ стоялъ передъ Кедровымъ съ растеряннымъ видомъ и что-то говорилъ, трогая его руку. Лицо Кедрова вспыхнуло пегодованіемъ. Онъ торопливо опустилъ покойницу на постель и обернулся снова къ Акимову.

— Вонъ отсюда!—глухо сказалъ онъ,—какъ вы смѣли войти въ эту комнату?!

— Валерьяпъ Николаевичъ,—растеряннымъ голосомъ произнесъ Акимовъ.

— Вонъ!—повторилъ Кедровъ и взглянулъ на Акимова съ такою угрозою, что онъ, подавивъ даже вздохъ, тотчасъ выскользнулъ изъ спальни. Только за дверью онъ вздохнулъ полной грудью и, взглянувъ на няню, безпомощно развелъ руками.

— А Ната что?

— И та не спитъ!

— Такъ идите къ ней, чѣмъ здѣсь толочься,—сердито сказалъ Виньяминъ Петровичъ.

— Отъ гробовщика пришли,—прошептала Ольга таинственно, входя въ комнату.

— Гоните вонъ!—приказалъ Акимовъ,—

скажите, въ бюро возьмутъ все!—и, внезапно понявъ безпомощность всѣхъ окружающихъ, опъ принялъ на себя роль распорядителя...

Кедровъ снова склонился надъ покойницей. Онъ уже зналъ, что она померла, но еще не могъ усвоить этой мысли, не могъ понять совершившагося. Паническій ужасъ охватилъ его. Онъ прижался къ ея холодному лицу щекою и безпомощно повторялъ:

— Что ты сдѣлала? что ты сдѣлала?..

Потомъ его охватила ярость. Онъ поднялъ кверху сжатые кулаки, грозилъ ими и богохульствовалъ. Хриплый голосъ его слышался въ сосѣднихъ комнатахъ...

II.

Трехлѣтняя Ната не спала. Она проснулась отъ внезапнаго крика отца въ сосѣдней комнатѣ и, дрожа отъ неяснаго страха, сѣла въ своей кроваткѣ, высунулась изъ за рѣшетки и стала звать:—няня, няня!

Няня не приходила; послѣ внезапнаго крика вдругъ настала тишина, но въ этой

тишинѣ Натѣ стало еще страшнѣе, и она уже съ плачемъ закричала:

— Няня!

Няня вошла. Ея лицо было какое-то необыкновенное; никогда съ такимъ лицомъ не видала ее Ната и теперь испуганно смолкла, едва увидѣла ее. А няня подошла къ ней, нагнулась, обняла ее и нѣжно, нѣжно сказала:

— Сиротичка ты моя, бѣдная! Стань, голубошъка, на колѣнки! Вотъ такъ!

Ната ничего не понимала, но чувствовала что-то торжественно серьезное въ словахъ и поступкахъ няни; отъ тона ея голоса у Наты почему-то сжалось сердечко и ей захотѣлось плакать.

Она послушно стала на колѣпки и обернула личико къ ярко горящей лампадкѣ въ углу комнаты. Няня сложила пальчики ея руки и, прикладывая ихъ ко лбу, плечикамъ и животу Наты, говорила:

— Молись! повторяй за мною: упокой, Господи, душу усопшей рабы твоей Елены! такъ! а теперь просто скажи: упокой, Господи, мою маму!

— Мама умерла?—спросила Ната.

За время короткой, но смертельной болѣзни матери Нату забыли. Отецъ почти не выходилъ изъ спальни, няня то и дѣло выходила на кухню. Когда же она была въ дѣтской, къ ней приходила Дарья или Ольга, и онѣ шептались. Ната слышала, какъ онѣ часто повторяли, что барыня умретъ, и, наконецъ, настолько заинтересовалась этимъ, что нѣсколько разъ спрашивала у няни:

— Мама умерла?

— Что ты, что ты, Наточка!—испуганно отвѣчала няня,—помилуй Богъ отъ такого несчастія!

— А скоро мама помереть?—продолжала вопросы Ната.

Няня приходила въ смятенье.

— Что ты болтаешь, глупая? зачѣмъ помирать мамѣ. Давай играть лучше. Возьми-ка свою Олю, да иди ко мнѣ: словно въ гости!

Ната брала куклу и начинала играть, но едва она оставалась одна, какъ тѣ же мысли завладѣвали ея головкой. Какъ умереть мама? вѣрно, одѣнется, поцѣлуетъ ее, какъ всегда,